

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 29

МАЙ 1967 г о д

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Измайловцы в дни переворота 1762 года

С. Л. Волкобрун

“Большая ошибка думать, что в России нет общественного мнения”, — писал в свое время историк В. А. Бильбасов (История Екатерины II. Том I. Берлин 1900; стр. 473). “Петр III презирал русское общественное мнение, глумился над ним и имел несчастье испытать на себе его страшную силу со всеми ее роковыми последствиями. Не Екатерина, не Орловы, не Дашкова произвели переворот всеми ожидавшийся, — они были только орудиями того общественного мнения, которое все полки, все сословия, весь народ, и мирно, без пролития крови, заявило о своих правах на уважение”.

Для Петра III Россия всегда оставалась чуждой. Его интересы вне ее. Владетельный герцог шлезвиг-гольштинский Карл-Петр-Ульрих, связанный с русской династией через свою мать Анну Петровну, дочь Петра Великого, не сумел и не хотел стать русским.

Когда пришло известие о смерти шведского короля, наследник российского императорского престола великий князь Петр Федорович воскликнул: “Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда, как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа”. (Соловьев. История России, т. 24, 930).

Его презрение к России и ко всему русскому не ограничивалось только словами. Во время Семилетней войны он стоял во главе целой шпионской организации, передававшей военные планы и сведения о приготовлениях и движениях наших армий в штаб прусского короля Фридриха II.

Английский посланник в Петербурге Роберт Кейт был посредником между прусским королем и великим князем. Все предположения и решения конференции при высочайшем дворе, занятой преимущест-

венно вопросами военных действий и дипломатических отношений, немедленно становились известными Фридриху. Великий князь был членом конференции и, хотя редко посещал заседания, был всегда в курсе ее работы. Нередко, благодаря услужливости Кейта, прусский король знал о предстоящих распоряжениях в русской действующей армии раньше, чем наши главнокомандующие.

В шпионской организации великого князя состояли: голландская регентша Анна Оранская — сестра прусского короля, саксонский резидент в Петербурге ф.-Функе, русский посланник в Гааге граф Головкин и его супруга (1), шведский полковник Горн, курляндский камергер ф.-Мирбах, голландский посланник в Петербурге ван-Сварт, русский генерал Корф, комендант взятого нашей армией в 1758 году Кенигсберга, и его любовница графиня Кейзерлинг. Кроме того была целая серия профессиональных шпионов: в Риге — ф.-Баль, английский капитан Ламберт, майор ф.-Ромер. Служил этому делу и граф Шверин, адъютант прусского короля, захваченный русскими в плен в сражении при Цорндорфе. Помогал великому князю и его дядя, принц Георг-Людвиг голштинский, служивший в Конной гвардии. (Бильбасов. Т. 424, прим. I и 425, прим. I).

Сам Фридрих признается в своих “Записках”, что получал от наследника много ценных сведений, касающихся действий русской армии. В знак благодарности король прусский обещал Петру Федоровичу

(1) Гр. Александр Гаврилович Головкин (1689-1760) был женат на прусской графине ф.-Дона (1694-1768). Невеста для гр. А. Г. Головкина была выбрана, по просьбе Петра Великого, прусским королем Фридрихом I. См. Comte Fédor Golovkine. La cour et le regne de Paul I. Paris, 1905, стр. 24. — Примеч. Ю. Т.

свою помощь против Дании, к которой тот был очень враждебно настроен.

Французский посол в Петербурге маркиз Лопиталь доносил своему правительству (30 ноября 1758 г. Парижский арх. Russie. Vol. 58, f. 267). «Je dois vous prévenir que M. Keith a des correspondances secrètes avec le roi de Prusse. Ce ministre fait passer à M. le Grand Duc par des tiers la connaissance de ses desseins; il maintient ce jeune prince dans ses faux principes, il lui offre des secours secrets contre le roi de Danemark...».

В свою очередь, Фридрих сообщал Петру сведения об успехах прусской армии. Петр был настолько догадлив, что скрывал источник этих сведений. «Обо всем, что происходило на войне», — пишет академик Як. Як. Штелин (его записки в приложении к IX тому соч. Державина, стр. 287 и сл.) — «получал его высочество, не знаю откуда, очень подробные известия с прусской стороны, и если по временам в петербургских газетах появлялись реляции в пользу русскому и австрийскому оружию, то он, обыкновенно, смеялся и говорил: — Все это ложь — мои известия говорят совсем другое».

В 1759 г. датское и французское правительства заявили русскому канцлеру гр. М. М. Воронцову официальный протест против действий международной шпионской организации, возглавляемой великим князем (см. Парижск. архив. Russie. Vol. 60, № 43 и 46). Но канцлер, слишком осторожный, делал вид, что ничего не знает.

При взятии Берлина русскими войсками в 1760 г. радовались все — кроме Петра Федоровича. Он проклинал храбрость русских войск. В тот день, когда императрица Елизавета принимала поздравления иностранных представителей с успехами русского оружия, великий князь уклонился от присутствия на приеме под предлогом недомогания (денеша Лопиталья 28 окт. 1760 г. Парижск. архив. Russie. Vol. 63, № 33. Ср. «СНБ. Ведомости» № 88 за 1760 г.).

Княгиня Е. Р. Дашкова рассказывает, что Петр, будучи уже императором, однажды на празднике во дворце, во всеуслышание сказал своему секретарю Д. В. Волкову: «Не правда ли, сколько раз мы с тобою смеялись над секретными приказами, которые императрица Елизавета посылала своему войску в Пруссию?» (Мемуары кн. Дашковой. — Архив кн. Воронцова, XXI, 62).

Петр Федорович преклонялся перед прусским королем. Он всегда носил кольцо с его портретом, обыкновенно одевался в мундир прусского покроя, украшенный лентой Черного Орла и очень гордился тем, что он генерал-майор прусской службы. «L'on ne saurait se représenter, quand on ne l'a pas vu et entendu, à quel degré d'indécence ce prince porte son goût et son admiration pour sa Majesté Prussienne», сообщает Лопиталь (там же).

Не скрываемое Петром презрение к русским и армии, его предательская роль во время войны, очень скоро вызвали всеобщее против него раздражение.

В день кончины императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 г. к вечеру выехал любимец нового импе-

ратора камергер Андрей Васильевич Гудович к королю Фридриху с изъявлениями дружбы Петра III. Этим война была кончена. Русская армия, достигшая значительных успехов ценою больших жертв, вынуждена была бесславно оставить театр военных действий. Петр затевал новую войну — против Дании.

Гвардия, лучше всех знавшая императора, негодовала. Особенное возмущение вызвало назначение принца Георга-Людвига шефом Конной гвардии и генералиссимусом русской армии, отпавлявшейся в поход. Себя же окружил отрядом голштинской гвардии. Русские офицеры и солдаты были оскорблены.

Все эти, унижающие достоинства русского человека, действия Петра III объединили против него ряд лиц, решившихся положить конец царствованию этого чуждого России монарха.

Во главе движения стоял малороссийский гетман, генерал-фельдмаршал, лейб-гвардии Измайловского полка полковник граф Кирилл Григорьевич Разумовский (2). Возле него негласно собралась значительная группа гвардейских офицеров из всех четырех полков гвардии. Выдающуюся роль играли: конной гвардии подполковник кн. М. Н. Волконский, артиллерии капитан Г. Г. Орлов и его братья — Алексей (преображенец) и Федор (семеновец), л.-гв. Семёновского полка подполковник Ф. И. Вадковский, корпуса инженеров капитан-поручик В. И. Бибииков, и 19-летняя княгиня Ек. Ром. Дашкова, пылкая поклонница Екатерины.

Популярность императрицы способствовала успешному ходу дела. Очень правдоподобно, что «в секрете» было до 40 офицеров и около 10.000 солдат, готовых идти с ними. (Из письма Екатерины гр. С. Понятовскому, 2 авг. 1762 г. Арх. кн. Воронцова, XXV, 414-424).

На конец июня 1762 г. было назначено выступление гвардии в датский поход. Сам император находился в Ораниенбауме, императрица жила в Петергофе.

25 июня из Ораниенбаума в Петербург прибыл принц Георг, чтобы сделать последние распоряжения. Указами 27 июня Сенат озабочился о заготовке на станциях по тракту до Риги и в курляндских магазинах провианта и фуража «для следующих лейб-гвардии полков команд» (Арх. Сен. секр. прот. 1762 г. № 52, л. 120 и 122).

В этот же день, в 9 часов вечера, по приказанию императора был арестован командир гренадерской роты л.-гв. Преображенского полка капитан Петр Богданович Пассек. Он был одним из деятельнейших членов «секрета» и арест его, естественно, взволновал всех остальных заговорщиков. Ясно было, что ждать невозможно. Необходимо действовать. Особенно настаивала на этом кн. Дашкова.

В этот же вечер гр. Разумовский, бывший тоже и президентом академии наук, вызвал к себе адъютанта Тауберта и, сообщив ему, что ночью в подва-

(2) К. Г. Разумовский пожалован в подполковники л.-гв. Измайловского полка 5 сентября 1748 г., произведен в полковники 9 июня 1762 г. (Арх. Измайловск. полка № 376, л. 117-134).

ле академического здания будет печататься манифест Екатерины о перевороте, приказал Тауберту следить за корректурой (Бильбасов, II, 21).

Одновременно с этим о предстоящем в ночь перевороте были извещены и офицеры л.-гв. Измайловского полка, состоящие "в секрете": премьер-майор Н. И. Рославлев, капитаны А. И. Рославлев, М. Е. Ласунский, кп. П. А. Голицын, М. С. Похвиснев, поручики П. И. Вырубов и И. В. Обухов и сержант С. А. Всеволожский.

После полуночи Алексей Орлов и Василий Библиков выехали из Петербурга, держа путь на Петергоф, в Монплеизр, где жила императрица.

Светало, когда Екатерина была разбужена камер-фрейлиной Шаргородской. В спальню императрицы вошел Алексей Орлов и спокойно сказал: "Пора вставать; все готово, чтобы провозгласить вас". Когда Екатерина услышала, что Пассек арестован, она наскоро оделась в свое обычное черное платье, которое носила всегда после смерти Елизаветы, вышла по главной аллее из сада на дорогу и села в ожидавшую ее карету.

Верстах в пяти от Петербурга императрица пересела в коляску Григория Орлова, выехавшего ей навстречу. У Калинкиной слободы, где начинались слободы л.-гв. Измайловского полка, Орлов выскочил и побежал вперед. Коляска шагом двигалась за ним. Rulhière, в своей «Histoire sur la révolution de Russie en 1762» (Paris, 1797. Русский перев. по рукописи 18 в. из Арх. М. ин. дел. М. 1908), бывший секретарем французского посланника в Петербурге, свидетель всех июньских событий, сообщает, что, будто бы, две роты измайловцев были заранее приведены к присяге на верность императрицы (стр. 37) и, будто бы, к этим двум ротам приехала государыня прямо из Петергофа (стр. 48). Сама Екатерина ничего не говорит об этом. Наоборот, из ее описания событий этого утра можно вывести заключение, что измайловцы не ожидали ее приезда. У казарм она нашла лишь маленькую группу солдат — 12 человек с барабанщиком — очевидно, предупрежденных Орловым (Арх. кн. Воронцова XXV, 415).

Барабанщик забил тревогу и все оживилось. Беспорядочной, шумной толпой, одеваясь на ходу, бежали измайловцы к императрице, целовали ее руки, ноги и платье. Вскоре прибыл и полковник измайловцев гр. Разумовский. Он склонился на колено перед государыней. Полковой священник о. Алексей Михайлов вышел к императрице с крестом в руках.

Екатерине запомнилась подробность, что "два солдата привели под руки священника, с крестом..." Выход о. Алексея в сопровождении ведущих его под руки солдат. Бильбасов объясняет преклонными годами священника (Бильбасов, II, 25, прим. Б). Однако, это объяснение не может быть принято безоговорочно. Отец Алексей Михайлов скончался 1 января 1776 г. "без мала 60-ти лет", проведя 32 года в сане священника (Шубинский, С. Н. — Исторические очерки и рассказы. СПб, 1903, стр. 567). Архив л.-гв. Измайловского полка сохранил сведения, что о. Михайлов состоял священником полковой церкви с 21 июля

1744 года. Таким образом, надпись на могильной плите правильно указывает начальный год служения о. Алексея "в чине иерея"; нет, поэтому, основания сомневаться и в правильности указания, что умер он "без мала 60-ти лет". В дни переворота ему было 45-46 лет. Поэтому, его выход к императрице в сопровождении солдат нельзя объяснить его преклонным возрастом. Быть может, здесь было употреблено некоторое принуждение (3).

С этим предположением совпадает и заметка Rulhière'a: "...Бледный, трепещущий священник явился с крестом в руке и, не зная, что делал, принял от солдат присягу" (стр. 46).

После того как измайловцы присягнули, составила оригинальная процессия, направившаяся в Петербург.

Впереди шел полковой священник в епитрахили, с крестом, рядом с ним гр. Разумовский; за ними в скромной коляске ехала Екатерина в своем черном наряде, окруженная толпой измайловских офицеров и солдат. Громовое ура будит встревоженных петербургских обывателей.

Навстречу измайловцам бегут по мостам через Фонтанку семеевцы, на Садовой улице к ним примыкают преображенцы, на углу Невской перспективы в конном строю, в полном порядке, императрицу приветствует Конная гвардия.

В 9 часов утра в Казанском соборе, после краткого молебна, было превозглашено многолетие Государыне Императрице Самодержице Екатерине Второй. Торжественный перезвон колоколов извещал о радостном событии всей столице.

В течение дня Петр III делал неоднократные попытки спасти свое положение. Под вечер он послал прямо в Петербург кн. Трубецкого и фельдмаршала гр. А. И. Шувалова с повелением привести гвардию к повиновению и, уполномочив их, в случае нужды, убить Екатерину, но оба высокопоставленных гонца предпочли принести ей свою верноподданническую присягу.

В 7 часов вечера Петр отдал приказ генералу голштинских войск барону ф.-Левецу собрать голштинские отряды в Петергофе и окопаться в Зверинце, чтобы выдержать натиск русской гвардии, ожидавшейся из Петербурга.

В это время Петербург ликовал. Но Екатерина и ее сторонники прекрасно понимали, что дело еще не окончено. Повелев Сенату широко распространить манифест, вышедший из печати ужом, и разослать немедленно гонцов во все полки и гарнизоны и во флот в Кронштадте, с извещением о перемене на престоле, Екатерина решила во главе войск гвардии отправиться в поход в Петергоф.

Под вечер она послала в Сенат собственноручно ею написанный указ: "Господа сенаторы! Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадежить престол, оставляя вам, яко верховному моему прави-

(3) На разногласие между записью Екатерины в объяснении Бильбасова и надписью на могильной доске о возрасте о. Алексея, впервые указал мне мой однополчанин А. Я. ф.-Бретцель. — С. В.

тельству, с полной доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего. Екатерина" (Сборн. Русск. Ист. общ. VII, 101). После этого она провозгласила себя полковником всех гвардейских полков и повелела гвардии и петербургскому гарнизону приготовиться к ночному походу.

Затем она надела старый гвардейский мундир, принадлежавший участнику заговора, семеновцу, поручику Александру Федоровичу Талызину, украсилась андреевской лентой, принадлежавшей воспитателю ее сына графу Никите Ивановичу Панину и, в сопровождении одетой в военную форму кн. Дашковой, взявшей мундир у конногвардейца капрала М. А. Пушкина, на сером коне выехала к войскам.

Редакция газеты "Русский Инвалид" сделала примечание (в № 9, 1930 г.) к статье Б. В. Герца — Лейб-Гвардии Измайловский полк (К двухсотлетию основания), указав, что на императрице Екатерине был в этот день не измайловский, а семеновский мундир. Действительно, мундир принадлежал офицеру-семеновцу, но, все же, это не был мундир л.-гв. Семеновского полка. Это был мундир л.-гв. Преображенского полка петровского образца, который во времена Елизаветы носила вся гвардия. Сама Екатерина пишет: "...я надела гвардейский мундир" (Арх. кн. Воронцова XXV, 417). Княгиня Дашкова свидетельствует: "...Эти мундиры были древним национальным одеянием Преображенского полка со времени Петра Великого" (Русск. Старина. 1873, VIII, 697). Беранже, французский поверенный в делах, сообщает: «...l'Impératrice était partie vers les neuf heures du soir de Pétersbourg à cheval, portant l'ancien uniforme des Gardes...» (Парижск. Арх. Russie. Vol. 69, № 3). Прассе, саксонский резидент в Петербурге, в донесении своем написал: «...Ihre Majestät auch solche zu Pferde, en Cavalier und der Montur der Gardes zu Fuss angethan» (Дрезд. арх. Vol. VII, № 56). Иван Тимофеевич Балабин сообщал в эти дни Андр. Тим. Болотову: "...Ввечеру, как все здесь приведено в порядок, государыня изволила в гвардейском старого манера офицерском мундире по всем полкам объехать... и подняться к Ораниенбауму с превеликой артиллериею" (Бильбасов. II, 702). Нельзя обойти молчанием и утверждение нашего знаменитого историка С. М. Соловьева: "Около 10 часов вечера Екатерина верхом в гвардейском мундире Преображенского полка... выступила с войском..." (История. т. 25, 1336) (4).

Впоследствии, Екатерина пожаловала этот мундир назад его владельцу. Талызин женился на дочери фельдмаршала Апраксина, и мундир долго хранился в роде Апраксиных, в подмосковном селе Ольгове, Дмитровского уезда (Осемнадц. век. III, 148). Позже этот мундир был передан в музей л.-гв. Семеновского полка.

Обратимся к повествованию.

Гвардейские полки, одетые уже в старую свою форму, которую они носили при Елизавете, встретили криками восторга молодую императрицу. Вероятно, никогда в России не было такого радостного церемониального марша, как тот, который принимала Екатерина II вечером 28 июня 1762 года!

В 10 часов вечера ушел из столицы последний взвод.

А на другой день, вечером, развенчанный император был привезен в Ропшу и помещен во дворце, охраняемом караулом гвардии.

Петр Федорович проявил все свое ничтожество и в эти трагические для него часы. Отказываясь от престола и сдаваясь на милость своей супруги, он умолял о том, чтобы ему было позволено удалиться в Голштинию с его дамой сердца, гр. Е. Р. Воронцовой, и просил прислать к нему для развлечения его негра, собаку и скрипку. Последняя его просьба была удовлетворена немедленно. "Господин г. Суворов", — писала Екатерина генералу В. И. Суворову 30 июня, — "по получении сего извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме... лекаря Лидерга, да арапа Нарциса, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипку бывшего государя, его мопсинку собаку; да на тамошние конюшни кареты и лошадей отправьте сюда скорее..." (Бильбасов. II, 118).

Екатерина щедро наградила лиц, способствовавших ее воцарению. Большинство наград выпало на долю л.-гв. Измайловского полка. Из общего числа пожалованных чинам гвардейских пехотных полков 246 наград, на Измайловский полк пришлось 131 награда, на Семеновский — 67 и на Преображенский — 48. Укажем здесь некоторые награды лейб-гвардии по Измайловскому полку.

Граф Разумовский пожалован в сенаторы, генерал-адъютанты и награжден добавочным годовым жалованьем по 5000 руб. в год (Выс. указы 28 июня, 3 июля и 2 августа 1762 г.).

2 августа, 50 офицеров Измайловского полка произведены в следующий чин, а некоторые получили и по два чина: поручик Гринев — в капитаны; прапорщики Петр Гурьев, Хрущов, Полозов, Рубановский и Карпов — в поручики. 14 сержантов полка произведены в прапорщики; тем же чином зачислены в полк гр. Петр Кириллович Разумовский и Владимир Григорьевич Орлов.

3 августа капитанам Похвисневу, Александру Ив. Рославлеву, Лосунскому и капитан-поручику Вырубову пожалованы деревни, по 800 душ каждому; премьер-майор Ник. Ив. Рославлев получил 600 душ и 6000 рублей, капитан кн. Голицын — 24.000 руб., капитан-поручик Обухов — 18.000 руб. и прапорщики братья Сергей и Иван Всеволожские — по 300 душ.

При коронации 22 сентября 1762 г. братья Орловы возведены в графское достоинство, тоже и прапорщик Измайловского полка Владимир Орлов. Премьер-майор Рославлев произведен в генерал-майоры; капитаны Похвиснев, Рославлев, Лосунский и кн.

(4) В Английском дворце в Петергофе был большой портрет Екатерины II работы Эриксона. На нем Екатерина изображена верхом на сером коне, в мундире л.-гв. Преображенского полка с андреевской лентой, с распущенными волосами и обнаженной шпагой, — т. е. в том виде, в каком она участвовала в петергофском походе. — С. В.

Голицын пожалован в камергеры; капитан-поручики Вырубов и Обухов — в камер-юнкеры (Бильбасов, III. Приложения II. Оцепка услуг. Стр. 504-519).

В июньские дни гвардия, с Измайловским полком во главе, явилась выразительницей тех настроений, которые господствовали в ту пору в русском обществе.

Переворот 28 июня 1762 года дал России 34-летнее блестящее царствование, которое ввело Россию в семью великих цивилизованных народов и подготовило ту Александровскую эпоху, когда перед волей русского Императора склонились все государи Европы.
